

Век, Москва - 1999, - 11 нояб., - с. 7

Реформатор Бармалей

На вступительных экзаменах Ролану Быкову вынесли приговор: «Никаких данных, плохая дикция»

Впервые с Роланом Быковым я встретила в сказке «Приключения Буратино»: маленькой девочкой радостно тыкала в телевизор пальчиком — «Кот Базилио». Фильм «Чучело» вышел на экран как раз в период моих собственных школьных переживаний о первой любви. А позднее, вчитываясь в Гоголя, я невольно сравнивала маленького человечка классика с Акакием Акакиевичем Быкова...

Единственный раз видела его на вечере памяти Высоцкого в Доме кино. «Полжизни за такую жизнь!» — летело суровое посвящение из его уст в зал. Давайте считать, сколько сам Ролан Быков успел прожить за отпущенные ему годы, — завтра ему исполнилось бы семьдесят.

Наталья БОЙКО

Мне в этом мире суждено носить себя всю жизнь «на вырост»*

После получения паспорта Ролан Быков каждый год отмечал два дня рождения: настоящее — 12 октября и официальное — 12 ноября. И ладно бы только дату, а то и имя придумали Ролану Антоновичу для документов: Роланд Анатольевич.

Маленького Ролана родители привезли в Москву из Киева в 1934 году. В метрике, выданной на Украине, напротив дня рождения было написано — «12 жовтня». В столичной милиции решили по-своему: раз праздник Октябрьской революции народ гуляет 7 ноября, то и «жовтень» в переводе с хохляцкого — не «ноябрь», а «октябрь». «Д» на конце имени появилось неожиданно, как и новое отчество...

Героним Быков, брат: «Меня назвали в честь деда, Геронима Константиновича — он поляк, а бабушка по отцу — чешка. А младшего сына родители нарекли в честь накануне приехавшего в Россию писателя Романа Роллана.

В 1934 году отца из киевской промакадемии перевели в Академию внешней торговли в Москве. Поселились мы в коммунальный квартал у Павелецкого вокзала. И конечно же, знаменитый Зацепский рынок — тогда единственный крытый рынок из дерева и металла. Он поднимался ступеньками в виде мавзолея и занимал всю территорию современной площади.

На улице Зацепа мы жили в бывших мебелированных комнатах Уралола: 43 комнаты и два туалета — один возле нашей двери. (Когда подросток Роланд просил у отца деньги на театр, то в ответ слышал: «У тебя здесь каждый день 43 театра!») Вшестером мы ютились на тринадцати метрах: отец, мама, я, Ролан маленький, сестра отца — тетя Ната и домработница Женя — тогда многие держали домработниц. А спали мы так: родители на большой металлической кровати с шпешечками, Ролан попеременно в них в ногах, а за тетей Натой на диване, а Женя на деревянной раскладушке, которая утром складывалась и выставлялась в коридор. Вместо шкафа одежду мы вешали в стенную нишу, а многие вещи хранились под кроватью в чемоданах. Отец, например, всегда носил один непременно бостонский костюм, а когда он изнашивался, шил новый.

Мама наша окончила восемь классов русской гимназии на Украине и поступила в театральный институт. Но со второго курса ее выгнали и за прогулы, и за то, что она дочь нэлмана (она была из захваченной еврейской семьи). Отец же до девятнадцатого года служил у Махно, а потом перешел в Первую конную армию к Буденному. Когда работал в ЧК, это 1924—1926 годы, ездил разведчиком в Германию под разными фамилиями. У него последние документы остались на имя Быкова Антона Михайловича. На самом же деле он — Гордановский Семен Геронимович.

Отец был и директором склада, и директором спиртоводочного завода, и администратором кинотеатра, и замначальника химлесхоза, и директором каракулеводческого совхоза. Дома он бывал редко, и поэтому нашим воспитанием целиком занималась мама.

Ролан в начальных классах учился отлично, а в старших его пригласили артистом в ТЮЗ, и маме стоило большого труда заставить его окончить школу. Впервые он вышел на сцену очень рано. Девочка Зина привела его в кинотеатр Моссовета, и он перед детскими утренниками — я купил ноты к песне «Ходят волны кругом вот такие, вот такие...» — с выражением читал, стоя на стуле. (С тех пор его прозвали Артистом.)

Маленький я в школьном кружке играл клоуна. Моя преподавательница,

разглядев большой талант, отвела меня в Дом пионеров. А так как мама после курсов стенографисток-машинисток много работала, то Ролана мне приходилось брать с собой».

Александр Митта, режиссер: «В Доме пионеров, где мы впервые и встретились, Ролан ходил во всеобщих любимцах. Вместе с театральным он занимался еще в литературном кружке, где сочинял поэмы в стихах, очень длинным размером. Еще он пел в хоре — в ансамбле Локтева. И вообще, куда ни повернешь голову, всюду Ролан, пять Роланов одновременно: и рядом, и на этаж ниже. Невероятный ступок энергии!»

Но, конечно же, самым главным для него был театральный кружок, в котором он во всех пьесах играл главные роли. И не потому, что ставили на него, просто оказывалось, что лучше Ролана ни у кого не получится. Наш коронный номер — «Кот в сапогах». Ролан, безусловно, кот. Когда приезжали иностранцы в Москву — уже где-то год 1943—1944, то в программе стояло посещение Дома пионеров. И мы показывали «Кота в сапогах». Они гладили Ролана по голове и приговаривали: «Какой талантливый мальчик».

Естественно, в него влюблялись девушки, хотя и были на голову-полторы выше кавалера. Его это совершенно не смущало. Я тогда хвостиком за ним ходил — ему четырнадцать лет, мне — десять, провожал его до дома на Зацепе. По дороге он мне рассказывал про своих родителей. Только потом я понял, что многие его истории были выдуманные. Ну например, он фантазировал, как его отец, которого все обожали, возглавил партизанский отряд. Подробности истории я прочитал в «Разгроме» Фадеева...

Вдохновенье — вдох мгновенья

На вступительных экзаменах во МХАТе Блишников написал на его документах: «Никаких данных, плохая дикция», а в ГИТИСе художественный руководитель курса Раевский и слушать юношу не стал: «Мне не нужны готовые актеры».

Героним Быков: «В театральные училища Ролан поступал с трудом. В ГИТИСе дошел до третьего тура и провалился — и поступил в вахтанговскую школу. Учился он блестяще, получал стипендию — 600 рублей — больше, чем зарабатывала мама, и больше, чем его первый оклад в театре. Тогда он очень подружился с Ульяновым. С Шатровым тоже — он часто ночевал у нас. Мама любила гостей и принимала всех в любой час ночи. С кровати снимался один из матрасов, кидали укрывные пальто. Маме хватало: я тогда уже служил в армии, а отец с новой семьей жил во Львове.

Со 2-го курса Ролан знал, что его возьмут в Вахтанговский театр. Но Рубен Симонов уехал, никаких распоряжений о нем не оставил, и парень пошел в Театр юного зрителя. Потом с большой ролью он вышел на сцену Театра Гоголя.

По характеру, по манере держаться брат — герой, славился всегда как заводила. А по внешности и по возрасту не мог ни характерные роли играть, ни героические. В институте проще — там всему учат, на внешность не смотрят: он был и Несчастливцевым в «Лесе», и Королем Лиром (Москвин-сын частенько выпивал, и тогда просил его: «Ролочка, покажи мне Лира»). Ролан всю жизнь потом мечтал об этой роли. Когда снимали фильм, его пригласили играть шута, но он отказался — партнер его не устраивал. И порекомендовал вместо себя Олега Дая, которым восхищался еще в училище. Как порекомендовал и Янковского в «Служили два товарища», и Юю Саввину в «Даму с собачкой».

У него не сложилась дружба только, пожалуй, с Аллой Демидовой. Она была его ученицей в театральной студии МГУ, где он ставил «Такую любовь». Первой главной роль исполняла Демидова, а Ролану понравилась Ия. Знаменитый получился на всю Москву спектакль! Брат поставил его в абсолютно новой манере, столько режиссерских находок было! Когда герония

бросалась под поезд, сначала показывали станцию, слышались звуки поезда, поезд трогался, героиня оставалась одна на перроне. Светом намечались две рельсы, мощный фонарь неожиданно летел в зал, ослепляя зрителей, а когда затухал, она уже лежала в ярко-красном пятне крови...»

Как-то Ролан Антонович заметил: «Меня всегда спасало то, что я жил легкомысленно. Когда в пятидесятых открылся театр, то дураку было понятно, что по мне Сибирь плачет».

Моя дорога коротка, мой путь длинен

Александр Митта: «Сдружились мы на съемочной площадке. Я по окончании учебы начал работать на «Ленфильме», а Ролан тогда получил в Ленинграде Театр имени Ленинского комсомола и стал самым молодым главным режиссером в стране. Как? С ним ведь всегда непредсказуемо! В город на Неве его переманили после нашумевшей постановки в студии МГУ. Старый ленинградский театр абсолютно закончен, в него не ходили зрители, совершенно потухшие актеры служили за деньги и вяло произносили свои реплики. И вдруг в этом гнилом коллективе появился здоровый реформатор. Ролан сразу взялся репетировать спектакль, который потребовал непереманного присутствия всей труппы, задумал массовые зрелища, яркие, в любимой декларативно-агитационной манере, тогда очень модной. А актеры не привыкли тридцать дней в месяц находиться на сцене, да еще не мусолить текст сидя, а двигаться, бегать. Ролану пришлось проявить себя режиссером-диктатором, но... такой стиль работы многим пришелся не по сердцу, возник конфликт, и труппа проголосовала за то, чтобы убрать его из театра. Сплетни ходили, будто выгнали Ролана с большим позором. Позора, честно говоря, я не видел, следов отчаяния на его лице не обнаружил. Он привык к тому, что жизнь — борьба, и перекатился в кино, появляясь в «Ленфильме», взялся раскручивать свои проекты, далекие от театра.

В Москве мы пересеклись вместе с ним и моими первыми сценаристами Дунским и Фридом, которые тогда написали сценарий «Семь нянек». Ролан не давал покоя писательский зуд, он всегда улучшал или ухудшал, или видоизменял сценарии, которые попадали ему в руки. Он переписывал сочиненное Дунским и Фридом каждый вечер и каждые три дня приносил новый вариант. У Дунского, как у человека раннего, от обсуждений даже пошла аллергия: по всему телу вздулись волдыри. Но Ромм велел изменения выкинуть и вернуться к первой версии сценария. Ролан так и сделал. Его воображение функционировало всегда так активно, что для него отказывался от вчерашнего — значит придумать что-то новое завтра, а держаться в рамках сценария — опять интересное упражнение. Его энергия не иссякала».

Героним Быков: «Ролан говорил, что его запрещали. Ролана никогда не запрещали, пожалуй, только не дали Пушкина сыграть во МХАТе... Просто он очень ревниво относился к тому, что начальство влезло в его замыслы, заставляло делать поправки. Он и тяжело снимал: всегда, кроме «Чучела», — перерасход сметы, штрафы, вычтенные из премиальных».

Ролан стал новатором и в кино. В «Айболите-66» у него неприятности возникали не столько на идеологической почве, сколько на художественной. Ведь политические споры Ролан вел мастерски. Он, тогда малоизвестный режиссер, сумел получить огромные деньги на «Айболита», да еще и снимал на широкоформатной пленке! Ну выкинули, например, такой момент: перед тем как Бармалей хотел схватить Айболита, спрятавшегося за камнем, были слова: «Идиоты! А наша тактика?» — «Так вон же он сидит» — «А наша стратегия?!» Это была пародия на линию партии — вырезанная. Но самое главное, что Ролан первым изменил форму экрана: действие происходило на экране и за ним. Он начал применять длиннофокусную оптику, когда в кадре оказывалось только лицо, но это принимали за брак и заставляли такие моменты вырезать.

Трудно ему было и на съемках «Шинели». В ТЮЗе к тому времени он уже был ведущим актером первого состава, и не во всех постановках ему давали замену. А съемки шли в Ленинграде. Поэтому Ролан «Красной стрелой» приезжал, отыгрывал спектакль, возвращался в Москву, спал только в поездке. Но снимался с колоссальным увлечением, потому что страшно любил Гоголя. И самая большая задумка его — поставить «Ревизора», причем серьезно, чтоб Ульянов городничего играл бы так, как Жукова. Хлестаковым же видел Бурляева. И чтобы обяза-

тельно непонятно было, как в такого плюгаша могли влюбиться обе дамы. Ролан даже в «Носе», обратит внимание, в сцене похорон майора поставил памятник, на котором написано «Иван Александрович Хлестаков», — показал свою похоронную мечту. (Директор творческих программ Фонда Быкова Николай Коношев рассказывал, как тяжело они снимали «Нос»: «Грим у героя очень сложный, и делали его несколько часов: Быкову залепливали нос, он мог дышать только через рот. А так как в то время он болел воспалением легких, то выдерживал недолго, и после съемок его приходилось откачивать. Но он работал!»)

Фильм «Комиссар» не пропустили не из-за Ролана, а из-за Нонны Мордюковой, начальникам не понравилась сцена родов. В советском кинематографе классически изображали еврея: портной, сочувствующий революции, конечно, его убивали или петлюровцы, или погромщики, он лежал на мостовой, и из головы тек ручеек крови. Брат же первым сыграл нетипичного еврея, веселого, лихого такого мужика, который любит жизнь.

Первым брат показал и отрицательного рабочего: смешного — в «Большой перемене», и похабного — в «Днях хирурга Мишкина». Этаким рабочий-хулачок, обыватель. Лена Санаева там играла его жену...

(С Еленой Санаевой, дочкой знаменитого артиста Всеволода Санаева, Ролан Быков познакомился на одной картине. Еще он не видел ее, а только узнал, что она будет его партнершей, позвонил и после того как в телефонную трубку услышал, что на съемки Елена поедет поездом, а не полетит самолетом, насторожился, рванул к режиссеру и попросил, чтоб с ним играла Булгакова, или Овчинникова. На студии же он заметил красавицу: «Кто это?». — «Да Елена, которую ты забраковал». И с того момента — более двадцати пяти лет: «Я люблю тебя привык сквозь кутерьму».)

Сын Елены Всеволодовны Павел сначала ревновал мать, жил до одиннадцати лет с бабушкой и дедушкой, но мальчик подрос, и Ролан Антонович в воспитательно-образовательных целях завел с ним тайную переписку. Он отправлял сыну послания то в стиле XVIII, то конца XVII века и получал ответы. Павел, окончив сценарный факультет ВГИКа, теперь сочиняет.)

Ролан очень ответственно относился к роли. Перед тем как сниматься у Тарковского в «Андрее Рублеве», он перечитал в Ленинке все скломорошские записи песен. Но их же нельзя использовать — в них один мат! Чем можно было развеселить народ в то время? Поэтому песню Ролан себе сочинил сам. Тарковскому понравилась.

Много образов он заимствовал из жизни. Например, когда играл Хрущева, то списывал с нашего отца. Они оба украинцы, оба были на каких-то шахтах, оба продвигались по партийной работе, даже акцент у них звучал одинаково. Ролан ведь Хрущева видел только в документальной хронике, и поэтому жесты, повадки, интонацию голоса он срисовывал с отца. (И это его фраза: «Есть два мнения: одно — мое, другое — глупое».)

Тут не «удел», тут мой предел...

Героним Быков: «Мы с ним всегда жили дружно. Когда он студентом постигал науку, я, офицер, помогал ему. А позднее, особенно в последние годы, он купил мне все: и машину, и мебель. Маме материально помогал, старшему своему сыну».

(Первую жену, актрису Лидию Князеву, Ролан Антонович встретил в ТЮЗе. Но Лидия устала бороться с тем, что, чего греха таить, муж выпивал. Однажды она не пустила его домой, а он, добрая душа, переехал жить к другу, но забрав даже свои вещи. С сыном встречался мало. Но по окончании школы постарался, чтобы юноша поступил в цирковое училище, потом помог ему поехать на экономический факультет ВГИКа.)

Он был человеком потрясающей трудоспособности. Например, когда поджимали сроки с режиссерским сценарием, он трое суток писал, не вставая от машинки, не спал, не ел, пил только водку и писал, пока не сваливался прямо со стула. В молодости даже позволял себе быть чуть-чуть выпившим во время ночных съемок. А утром вставал как огурчик! Он вообще компанейский. Когда ссорился с Лилей, все постановочные прогуливал с друзьями в Доме кино, угощая всех, кто садился за их столы.

И отдыхал мало, только студентом ездил в Крым. А потом годами не вспоминал про отпуск. Отдых ему заменял запой: пил три дня, два дня приходил в себя, резко обрывал и сразу хватался за работу, потому что переживал, что потерял аж пять дней, торопился наверстать. Одно время благодаря Лене совсем бросил: каждый год по гололеду на машине они ездили в Дубну на сеансы гипноза».

...Я так безумно люблю, что смерть зову!

Последняя картина Ролана Быкова — «Портрет неизвестного солдата».

Героним Быков: «Ролан взялся снимать в противовес новым идеалам и переоценке войны. Ролана поразило захоронение трехсот гробов под Новгородом, где раскопали могилу уничтоженной армии... Брат ездил по всему миру и записывал на пленку все, относящееся к войне, беседовал с ветеранами и с молодыми. Хотел добавить автобиографические моменты...»

Он ведь bravуно воспринял 1991 год, и за Ельцина выступал, и переживал распад СССР. Но постепенно понял, что свобода стала бесполезной: развалились киностудии, театры. К нему приходили актеры, и Ролан давал кому сто, кому двести рублей».

На студии «Юность» он принципиально не получал зарплату: «Ни копейки из бюджета не брать — пусть все идет на производство картин».

Николай Коношев вспоминал, что однажды в беседе Ролан Антонович обмолвился, что не принадлежит к демократам, а тогда альтернатива ставилась очень остро: «Я внутренне холодел — кто же Быков? Коммунист? Но он никогда не состоял в партии!» — «Я гуманист» — услышал ответ.

* Здесь и далее в названиях глав использованы фрагменты стихотворений Ролана Быкова